

«Домашние тапочки» Мариинского театра

— Мариинский театр настолько удачлив, что возникает ощущение, будто он не вписывается в картину современной российской культуры?

— Честно говоря, я не знаю, что происходит вокруг. Я настолько сконцентрирован на своей работе, что уже перестал попадать в число людей, которые способны оценивать окружающее. Сейчас я даже подумываю выйти из Комитета по госпремиям, поскольку я практически ничего не могу сказать по поводу претендентов из Москвы или с Урала. Я твержу только, что Ольга Бородина заслуживает госпремии или, скажем, Ульяна Лопаткина, кандидатуру которой я пробил в прошлом году, потому что она не умещалась в какие-то там рамки. До последнего времени не было ни одного питерца ни в одной номинации. На этих заседаниях меня не покидало ощущение того, что я живу в самой глухой культурной провинции, а Мариинский театр — самый бездействующий оперный театр страны.

С одной стороны, мы еще и сегодня продолжаем кормиться теми соками, которые питали страну 20–40 лет назад. С другой — возникла огромная свобода. И Мариинский театр ею просто, может быть, быстрее других воспользовался. Благодаря молодой энергии, настойчивости и историческому случаю. В Мариинском всегда аккумулировались лучшие силы. Я имею в виду и композиторов, и художников, и исполнителей, которые то ли постоянно, то ли по касательной или даже заочно сначала учились у этого театра, а потом отдавали ему свою энергию, свой талант и приумножали его успехи и удачи. Нечто подобное мы опять можем наблюдать здесь на рубеже тысячелетий.

— Сегодня ваша роль в нашей культуре равна роли Направника. Композиторы — от никому не известных до Чайковского, Верди, Вагнера и многих других серьезных, но менее удачливых фигур — паками приносили ему в Мариинский театр свои сочинения. Почему же этого не происходит сейчас?

— Я взял бы на себя непопулярную ответственность, сказав, что у нас сегодня нет Чайковских и Мусоргских, потому что я ведь просто могу их, к великому сожалению, и не знать. Может быть, они есть, но не видны еще в нашем безумном вихре, который мы сами здесь подняли, — фестивали, турне, множество новых сложных постановок. И вполне возможно, в этих условиях мы не успеваем решить самую главную проблему: кто сегодня больше всего может способствовать прогрессу в российском оперно-балетном пространстве. А это должны быть один-два великих композитора, да еще какой-нибудь великий хореограф. Но где они? Генеральных людей надо искать всем миром. Если бы я узнал об их появлении, то быстро-быстро постарался привлечь в свой театр. И все-таки я могу даже сейчас обнаружить свои намерения по поводу постановки наших современных опер. Речь идет, например, о сочинениях Родиона Щедрина, москвича Михаила Коллонтая, чью оперу «Капитанская дочка» в свое время собирался ставить Большой театр... Кнайфель тоже интересная фигура...

Пусть мне не повезет с Мусоргским и Чайковским, но если мне посчастливится найти еще одного Прокофьева, то я буду считать, что моя жизнь была грандиозно важной для российской культуры. Чтобы весь мир узнал о новом выдающемся композиторском даровании. В конце концов это дело гораздо более важное, чем фестиваль «Белые ночи» или наша последняя премьера — «Дон Жуан» Моцарта, которую я считаю очень важной и в целом удачной.

Не все, что мы делаем, хорошо, но главное — мы делаем. Споткнулись, встали и сразу пошли дальше. Сейчас нас ругают меньше, чем какое-то время назад, потому что приходится признавать очевидное. Мы сделали пятьдесят оперных премьер за эти годы. И из них, наверное, максимум пять можно было бы и не делать.

— Почему же, на ваш взгляд, после «Турандот» Пуччини в Мариинке не было создано ни одного мирового шлягера?

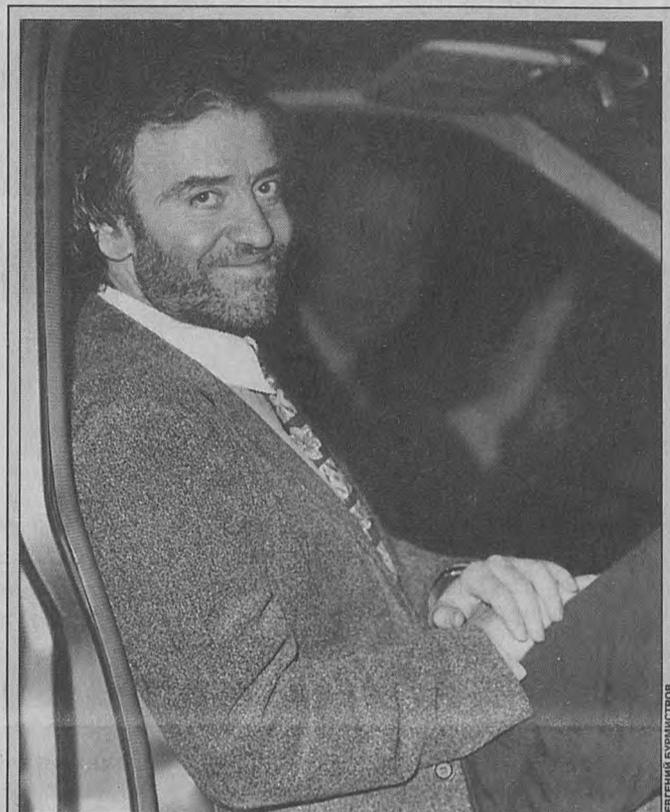
— Думаю, по этому поводу поп-культура может жадно потирать руки. Потому что, если серьезные оперные композиторы не могут создать популярных мелодий, почему бы тогда не перехватить инициативу. Что и было сде-

лано. Люди любят доходчивые, простые и запоминающиеся мелодии. Я их сам люблю.

— После Дягилева вы единственный человек, который так много сделал для русских исполнителей в России и мире...

— Не знаю. Не думаю, что на самом деле это так. Спасибо за сравнение, но я никогда себя не поставлю рядом с Дягилевым. Он закончил свой жизненный путь в Европе. На его могиле написаны удивительные слова: «Венеция — вечная вдохновительница наших ускорений». Он обладал фантастическим обаянием, вселенским

важностью о нашем будущем. Это не просто — мы повязаны множеством обязательств, составляющих реальность нашей жизни. Нас ожидают крупные гастроли в лондонском «Ковент-Гарден», выезды в Японию и Китай. Не говоря уже о том, что нам всегда хочется выступать в Москве. Хотя именно на этот счет я получаю массу язвительных замечаний. Я не «рвусь в Москву», как обо мне любят говорить. Я в Москве родился и люблю там выступать. Вообще не надо меня считать врагом номер один. Я — москвич по рождению, черт побери!

Валерий ГЕРГИЕВ был удостоен своей первой профессиональной премии в возрасте 24 лет. Сегодня в его багаже не менее полусотни наград. Последние в этом ряду — статуэтка и крупный денежный приз «Триумфа», которые будут вручены ему 8 января нового года. Гегиев разменял второй десяток на посту художественного руководителя Мариинки. За это время театр привык выпускать каждый сезон по пять-шесть серьезных оперных и балетных премьер и проектов. И это при том, что, передвигаясь по миру со скоростью, уступающей разве что световой, Гегиев сохраняет за собой множество персональных ангажементов в лучших оперных театрах и на престижных фестивалях. Рабочий день мастера начинается в 11 утра, заканчиваясь утром уже следующего дня, где-нибудь часам к четырем.

чутьем на настоящий талант. Петербург, наверное, для него, его неумейной энергии и темперамента был тесен. Да и вечно тревожная Россия тоже.

— А сегодняшняя Россия не тесна для вашего творчества?

— Здесь сегодня нет каких-то запретов, которые держали бы меня в изоляции от лучших оркестров мира — двух-трех, не больше, остальные мне не интересны. А «Метрополитен», «Ковент-Гарден», «Ла Скала» — наши постоянные партнеры. Там работают мои друзья, и у меня есть возможность на их территории сотрудничать с певцами, которые пока не всегда могут приехать в Россию. У меня нет поводов для разочарований. Ничто мне не мешает занимать пост главного приглашенного дирижера «Метрополитен» или открывать сезон в «Ла Скала». Я получаю удовольствие от таких вещей. На это каждый раз уходит три-четыре дня, и затем я возвращаюсь в Петербург.

— Прокомментируйте слухи, будто со следующего сезона вы единолично возглавите «Метрополитен».

— Это беспочвенные предположения. Мариинский театр дает мне больше, чем любой другой театр мира, — возможность подарить жизнь новому молодежному оркестру, помочь созданию школы. Уже трудно провести границу между нашей Академией молодых певцов и собственно Мариинским театром. Академисты растворились в труппе. Академисты — это молодые артисты со всей страны, в которых были обнаружены броские качества таланта. Но ни режиссер, ни дирижер нынчеками работать не любят, они могут помочь раз, два, три. А потом сразу ждут результата, потому что театр — это как набравший ход поезд, который уже трудно остановить.

— А Мариинский театр набрал не чрезмерно высокую скорость?

— Я часто задаю себе этот вопрос. Главное, чтоб только не произошло что-нибудь непредвиденное от чрезмерного ускорения. Поэтому иногда надо останавливаться, оглядываться и задумы-

— Вас не угнетают ваши директорско-административные обязанности?

— Когда меня называют менеджером, я не прихожу в ярость. Просто я решаю какие-то вопросы, потому что мне хочется, чтобы здесь были «Война и мир» Прокофьева в постановке Андрея Кончаловского или тетралогия Вагнера «Кольцо нибелунга». Я хочу, чтобы здесь был сильный театр. И если ради этого надо не только дирижировать, то я готов. Вот и все.

— Должен ли соблюдаться баланс зрительского интереса между репертуарной жизнью театра и фестивалем «Звезды белых ночей»?

— Ни то, ни другое не страдает от дефицита зрительского интереса. Может быть, спектаклям иногда чуть-чуть не хватает рекламы. «Белые ночи» — сегодня один из самых престижных в мире фестивалей. Они подводят итог всей годовой деятельности театра. Двухнедельный фестиваль не может состояться без нашего девятимесячного сезона. Я хочу, чтобы в Петербурге проходил один из лучших фестивалей в мире. Я очень этого хочу, и, думаю, мы этого добьемся.

— В России Мариинский театр видится частью мировой культуры. Иностранцы же считают Мариинку блестящим образцом чисто русской культуры...

— Иностранцы не знают Россию, и, даже бывая здесь, они понять ее не могут. Мы и сами-то не можем понять, что у нас за страна. Что касается репертуара, я стремлюсь избежать как одной, так и другой крайности — как прославянской, так и прозападной.

— Раньше Мариинский театр строил свою премьерную политику преимущественно по принципу антологий: Прокофьев, Глинка и так далее. Сейчас наметилось некоторое разнообразие, с чем это связано?

— В какой-то степени это связано как раз с тем, что нам совсем не хочется, чтобы на Западе считали, что мы будем привозить и записывать исключительно оперы Римского-Корсакова или

Глинки. Мы, кстати, записали и Верди — «Силу судьбы», и сделали фильм «Парсифаль» Вагнера с участием Доминго, который с успехом показали по всему миру. Следовательно, Мариинский театр способен быть универсальным. Именно мы будем открывать памятные торжества к столетию смерти Верди — на его родине, в Парме, грандиозным концертом с трансляцией на весь мир.

Когда-нибудь и у нас состоятся торжества, посвященные, например, Чайковскому. И пройдут они в Клину. И тоже будет трансляция на весь мир, потому что Чайковский принадлежит всем. Но пока мы до этого не додумались. Наше телевидение вряд ли сочтет это интересным: подумает, классическая музыка, это же не Маша Распутина.

— А почему в театре фактически нет опер *barocco* и *bel canto*? «Сомнамбула» Беллини — это, скорее, исключение, подтверждающее правило...

— Это первый шаг. А вы знаете, их и в Большом, и в других русских театрах нет. Так что вы тут за Мариинский театр не переживайте.

— Но мы же говорим о Мариинском в контексте мирового театра...

— Хорошо, согласен. Если в Мариинском театре еще пока нет новой «Лючия ди Ламмермур» Доницетти, так подождите месяцев пять-шесть — и она будет. И другие оперы Беллини, я думаю, у нас тоже могут появиться. Хотя и очень трудно петь *bel canto*, но уже сейчас у нас есть силы, подходящие для этого. Наши молодые солистки — Ольга Трифонова, Ирина Джисоева и Анна Нетребко — очень хорошо себя здесь проявили. Так что мы можем продолжать эту линию. Но только не следует сходить с ума. Для нас по-прежнему самым важным является сделать нового «Бориса Годунова», а может быть, возобновить постановку Андрея Тарковского. Мне она очень нравилась. Мы по-прежнему будем показывать нашу традиционную «Хованщину». Кому-то она в Москве не понравилась, а в «Ла Скала» от нее все были в восторге.

— Мариинский театр во время зарубежных гастролей довольно открыт, у себя же дома он ведет довольно замкнутый образ жизни — мало приглашенных солистов и дирижеров. С чем это связано, кроме финансов?

— Надо хороших приглашать. Эстетическая добросовестность в этом вопросе — основное. У нас выступают лучшие дирижеры — Марис Янсонс, Юрий Темирканов, Семен Бычков, Евгений Светланов, Джеймс Колтон, Эса-Пекку Салонен и так далее. А что касается солистов, я хотел бы иметь явление типа Пласидо Доминго. Именно я его приглашал нынешним летом в Москву. Тут пускай никто не обижается. Причем бесплатно. Так что опять же по русской экономике мы не ударили. И дали право бесплатно это показать по телевидению, которое во время трансляции нещадно гоняло рекламу, больше, чем любой американский канал, а найти денег для гонорара величайшему тенору за выступление не смогло — это и смешно, и стыдно. А в Мариинском только в прошедшем месяце выступили такие певцы, как Ольга Бородина и Сергей Лейферкус. Уж не буду говорить о себе, потому что я здесь, как домашние тапочки. Но у меня тоже есть какое-то имя в мире.

— Вы ревнивы к чужому успеху?

— Нет. Я никому не завидую. Ну, конечно, мне хочется дирижировать, как Тосканини. Но я так не умею, так что тут обижаться не на кого. Нельзя обижаться и на нью-йоркские и лондонские газеты, не говоря уже о родных. Хотя я прихожу в ярость, когда цинично и пренебрежительно отзываются о театре, о коллективе, который мощно и много работает. Об этом никогда не надо забывать. Другой вопрос, что не каждый выдерживает этот изнурительный ритм. Но даже великие критики, знатоки мировой и русской культуры никогда не позволяли себе подобного высокомерия.

Сегодня, наверное, это естественно. Из страны пытаются сделать одну большую помойку. А люди хотят чистоты и красоты. Вот мы и служим сегодня Чайковскому или Моцарту, а завтра — Вагнеру или Мусоргскому... Музыка пробуждает во мне самое низкое чувство — чувство рабства. Она единственная дама, у ног которой я, наверное, буду оставаться до конца жизни.